

Алмост

Божественные

Что-то недоброе

Забывтое небо

Предстапокалиптическое

Татуировки убитого леса

Гонор

В ритме рельсов

Селёдка

Распятыя природы

Витиеватам

В пробке жизни

Козни земли

Фокус мира

Самонедостаточность

Надгробье лжи

Мусор любви

Шкур

16+

Архитектор Природа

Алмост . .
Татуировки убитого леса

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29175968
SelfPub; 2018*

Аннотация

Над некоторыми моими стихами нужно думать, другие – ощутить, но самое главное – все их услышать. Буквально. В этой книге четыре года моей жизни.

Содержание

Распятыя природы	5
Весенняя меланхолия	6
Архитектор Природа	7
Помпезность смерти	8
Семья	10
Витиеватам	11
Самонедостаточность	12
Гонор	13
Между строк	14
Яриле	15
Потерянное поколение	16
Забытое небо	18
Лестничная клетка	19
Мусор любви	20
Каприз	21
Первая любовь	22
Предпостапокалиптическое	24
Шкура	25
Восьмимартовское	26
Кухня страсти	27
Привычка	28
Гон жизни	30
Псевдомногозначительное	31

Распятая природы

Я вижу в камнях очертания тел
И лиц, заточенных в деревья, испуг.
Гноятся смолою зарубки от стрел.
В корнях – напряжение скрюченных рук.

Везде силуэты измученных душ,
Как грозное эхо великой войны,
Свой мир уж потерян, а наш для них чужд,
Страдают в межмирье, не погребены.

Злой рок не даёт им спокойно уснуть.
Укором немым коротают свой век,
Тебя направляя на истинный путь,
Распятой природы дитя – человек.

Весенняя меланхолия

Взглянул вчера в окно
И в свете фонаря
Почудилось, что клён
В осеннем был уборе.
Оно понятно, но,
Мне кажется не зря
Сменил весенний тон
Мой глаз, настрою вторя.

Коль на душе серо —
Не вымолить весну,
Пока менять сезон
Усталый будет разум.
Мне думается, что,
Вся жизнь подобна сну.
Тягуч и липок он
И кем-то нам навязан.

Архитектор Природа

Архитектор Природа не любит вливаний извне,
Ведь на этой планете нет равных ему по таланту!
Но препятствий сперва никогда не чинит новизне,
Коей часто так люди хотят разрисовывать карту.

Сквозь мгновенья столетий он кинет насмешливый взор
На попытки смешные украсить дизайн континентов.
А потом даст стихиям исправить весь этот позор,
В назиданье оставив руины былых монументов.

Помпезность смерти

Надгробие помпезное. Так надо!
Зачем? Какая мёртвому отрада?
Не будет же хвалиться он плитою?
Да и пред кем? Кто рядом упокоен?

Не думаю, что за порогом властно,
Что отравляет душу нам так часто.
Помпезность смерти ценится живыми,
Затем, чтоб поступали так же с ними.

Венок, обряд, застолье... чтоб не хуже!
Хожу, поставил, напрягался дюже,
Всем кошельком. В долги влетов, почтил!
В деталях описать всё не забыл.

Коллегам, всем знакомым и не очень,
Чтоб знали все, как сильно озабочен!
Теперь сей тяжкий подвиг совершив,
Смогу уснуть, спокойный за родных.

Закрыт листвою пожухлый обелиск,
Лишь только на ветру калитки писк
Ему поможет в памяти сберечь,

То, как когда-то здесь звучала речь.

Семья

За окном старый клён.
Две вороны на нём,
Свили между ветвями гнездо.

Ночью, утром и днём
Всё кричат о своём,
Делят, видно, воронье добро.

Я смотрю много лет
На вороний дуэт
И пытаюсь понять, почему,

Пережив столько склок,
Всё живут бок о бок,
Сея дождь и птенцов кутерьму.

Витиеватам

Бессмысленный набор цветистых фраз
Отображает творческий экстаз.
Но сей подход для автора чреват,
Неразделённостью "витиеват".

Самонедостаточность

Растеряв по пути всех друзей и подруг,
Чтоб в груди заглушить одиночества стук
И осмыслить течение тягостных дней
Начинаем маразмом давить на детей.

Друг ведь просто уйдёт, дверь захлопнет сосед,
Ну а дети покорно подставят хребет.
Пьем по капле их кровь, очищая свою,
Уверяя, что так возрождаем Семейю.

Гонор

Песчинка дулась на скалу:
Тебе легко, ведь ты большая.
Скала шептала малышу:
Так подрасти! Уже стара я.

Песчинка гордо: Ни за что!
Я лучше всех! Я точно знаю!
Вот разглядел бы только кто,
В тени твоей всю жизнь страдаю.

Зачем страдаешь? Откатись!
И выйдешь сразу же из тени.
Ещё чего? Да ты окстись!
Сама вставай-ка на колени.

Лежа песчинкой у скалы,
Не видя полную картину,
Не знают, что обречены,
На гонор век горбатить спину.

Между строк

Между строк, между строк, между строк,
И восторг вижу я и острог.
Пелену из непролитых слез,
Эйфорию несбыточных грёз.

Вижу суть и ответ на вопрос.
Чую дым от ночных папирос.
Слышу рифм измочаленных стон,
Начинаю стонать в унисон.

Между строк, между строк, между строк...
Глаз почти пробуравил листок.
Все пробелы осмыслил душой,
И обрёл в многоточьи покой.)

Яриле

Дарующему свет – хвала моя!
Молитвам предков беспрестанно вторя,
Прошу тебя, о повелитель дня,
Не забывай про город мой у моря.

Потерянное поколение

...поколению девяностых посвящается...

Мы Пушкина ценили за обложку,
Толстого – за хождение в народ.
В театры заходили понарошку:
Икры антрактной скушать бутерброд.

Из музыки – лишь проигрыш гитары .
Из песен – незатейливый припев.
В них часто фигурировали нары
И причитанья одиноких дев.

Смотря на жизнь сквозь пустоту стакана,
Ловя удачу в банке из-под шпрот,
На ощупь, словно в облаке тумана,
Пытались отыскать у жизни брод.

Тонули по дороге этой часто,
Затянутые быстро в топь страстей.
И брюхом вверх всплывали безучастно,
В вечерних заголовках новостей.

А те же, кто нащупали опору,
Втоптав соблазны в перепревший ил,

Дадут любому царственную фору,
Не рвя при этом в напряженьи жил.

А то, что потеряла в нас Отчизна,
Создав прогорклый бескультурья шмат,
Пусть разглядит сквозь поколений призму
Потомков наших просветлённый взгляд.

Забывтое небо

Когда в последний раз смотрели вы на небо?
Не в поисках дождя, а просто для души.
Ресницами ловя густые хлопья снега,
А чувствами паря средь облачных вершин.

Какой вам ближе тон осеннего заката?
Диктует ли вуаль рассвета этикет?
Быть может за грехи какие-то расплата,
Лишь в лужах наблюдать луны иль солнца свет.

Какой же злой колдун нас отлучил от неба
И запретил смотреть чуть выше головы?
Всю жизнь полусклоняясь, боясь подспудно гнева,
Усердно трём асфальт, не жаждя похвалы.

Лестничная клетка

Тут брызжет жизнь осколками бесед
И растекаясь амальгамой слухов
Зеркалит всё, что вам сказал сосед,
За сигаретой, шёпотом на ухо.

Мусор любви

Увидел я сердце на пыльном стекле.
На грязном асфальте размашисто: "..., Петя!"
Наверно гормоны играют к весне
Печатными знаками улицы метя.

В запыленной кроне уснувшего клёна
Повис валентинки приспущенный шар,
На верности мостике ржавым затвором
Скрипит, подвывая собакам, "амбар".

Шаблонные знаки дешёвых порывов,
Совсем не крепите вы верности чувств!
Лишь пасмурному сорным гнойным нарывом
Порой по весне навеваете грусть.

Каприз

Капризна барышня? Как знать...
Быть может, попросту умней,
Коль в силах на других влиять
Одним лишь росчерком бровей.

Первая любовь

Первая любовь – как первый снег,
Ослепив, слезой стекает в море.
Там живёт твоим порывам вторя,
Чтоб во льду не коротать свой век.

В миг, когда сойдутся все напасти
Отпевать ослабший разум твой
И предсмертный обречённый вой
Вырваться готов будет из пасти.

Вынь из закровов своей души
Старую забытую ракушку,
Что когда-то подносила к ушку
И шептала тихо: "не дыши!"

Та, кто разбудила твою душу
И осталась после в ней навек,
Словно нерушимый оберег,
Из пучины проводник на сушу.

Вслушайся в её неспешный гул,
Вспомни частоту её дыханья
И забудь про беды мирозданья,

Отпустив ненастья все в "отгул"))

Предпоставокалиптическое

"Исправленному верить!" – на челе
Я вижу каждый день среди толпы
И кабель с маркировкой: "из – вне"
Торчащий из "звонящей" головы.

Шкура

Забита реальностью до синевы,
До в страхе сбежавших мурашек.
Совсем не чувствительна к миру толпы,
Как, впрочем и к миру монашек.

Ни голод её не берёт и ни лёд,
Ни сырость, ни жар, ни отравы,
Но вскоре она превращается в гнёт,
Как тесная камня оправа.

И тут не поможет ни штурм, ни измор,
Стоять будет крепко твердыня.
Лишь только один изворотливый вор,
Кто сущности выкрадет имя.

Восьмимартовское

Заложена природой бесконечность,
В гитарной деке вам подобный стан.
Вы Вечность превращаете в беспечность,
Коль гитаристу слух от Бога дан.

Кухня страсти

Взглядом томным пройдя по столу,
Опустилась ко мне на колени,
Разливая густую смолу
Сладкой послеобеденной лени.

Промурлыкав беспечно: "кури",
Ты потянешься за поцелуем,
А потом, как в ночи мотыльки,
В свете лампы по кухне танцуем.

Привычка

Она настроилась любить,
А он забыл цветы.
Ей так хотелось пофартить,
Не понял красоты.

Решил сводить её в поход,
Сказалась больной.
Мечтал узреть в горах восход,
Её манил прибой.

Ей так хотелось танцевать,
Ему идти в кино.
Объединяла их кровать
И больше ничего.

Несовпадение во всём,
Что требует душа.
Так зачастую и живём,
Сознаться не спеша.

В том, что по сути нету НАС,
А есть ОНА и ОН.
Что может дать тебе матрас?

Привычный крепкий сон.

Гон жизни

Считая дни, недели и года
До праздника, гудка или зарплаты.
Ты ощущаешь жизнь свою едва,
Нещадно сжав до календарной даты

Её за горло. Так, что только стон,
Расслышать можно вместо серенады.
Такая жизнь напоминает гон,
Скота на бойню, через крУги ада.

Псевдомногозначительное

У каждого свой крест.
У каждого свой ад.
У каждого свой рай.
Не где-то, на земле.
Судьбой написан текст.
Душой подобран лад.
Упорством задан край
Терпения тебе.

Возьми рассудка шест.
Ступи на лжи канат.
И сердцем напевай

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.